

— GADGET —
ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛОВА

ВЛАДИСЛАВ ЖЕРЕБЬЕВ

ВОЙНА ФЕНИКСА

РОМАН-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:
НЕ ИГРАЙ В СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ!

Снайпер

Владислав Жеребьев
Гаджет. Война Феникса

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Жеребьев В. Ю.

Гаджет. Война Феникса / В. Ю. Жеребьев — «АСТ»,
2017 — (Снайпер)

ISBN 978-5-17-106045-9

Начало экспансии «мусорщиков». Выброшенный на рынок нейрофон завладел умами людей, распространяясь по планете как эпидемия. Люди не видят разницы между реальным и виртуальным миром. Границы этики и морали готовы рухнуть. Миру грозит хаос. Небольшая группа инженеров, программистов и ученых объединяется для создания устройства, способного подавить нейрофон. Необходимо лишить гаджет связи с миром и освободить попавших в виртуальное рабство людей. Но идейные вдохновители и исполнители начинают гибнуть один за другим при невыясненных обстоятельствах. Майору Прохорову предстоит распутать это странное дело. Сам того не ведая, он вступает в опасную и кровавую игру.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106045-9

© Жеребьев В. Ю., 2017
© АСТ, 2017

Владислав Жеребьев

Гаджет

Война Феникса

Серия «Гаджет»

© В. Ю. Жеребьев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Бешеный рев двигателя таил в себе столько звериной мощи, что в другой раз Илье Прохорову в голову бы не пришло сесть за баранку этого монстра. Но сейчас у него просто не было выхода. Четыреста пятьдесят лошадиных сил стремительно несли тяжелый бронированный седан по Московскому проспекту, распугивая зазевавшихся пешеходов и редкие такси. Навигатор предсказывал поворот, потом круговое движение. Майор заложил крутой вираж, оставляя на асфальте черные полосы жженой резины. Наконец появился он – спортивный кабриолет ярко-красного цвета, выскочив с Лиговского, машина помчалась в сторону центра, в этот момент Прохоров врубил громкую связь:

– Красный кабриолет, государственный номер: Харитон, три, полста, Татьяна Александр, снизьте скорость, прижмитесь к обочине и остановитесь.

Ответом был всполох. Лобовое стекло разбежалось вереницей трещин, сдержав легкую пулю.

– Красный кабриолет...

Прохоров сжал зубы и вдавил педаль акселератора в пол. Бронированный монстр, с бешеной скоростью пожирая метры, врезался в задний бампер кабриолета. Спортивное авто вильнуло, и заднее сиденье вновь расцвело всполохами выстрелов. На этот раз пули ушли в молоко.

Майор вышел из себя и решил действовать радикально. Проскочив первый мост, отделяющий беглецов от центрального проспекта, он вновь врезался в кабриолет. Стрелок, явно не пристегнутый, не ожидал такого расклада и, сделав кульбит, оказался под колесами седана. Подвеска дернулась, Прохоров больно прикусил щеку и, почувствовав во рту солоноватый привкус крови, не стесняясь, сплюнул красную слюну. В руке появился пистолет, до этого мирно дремавший в подмышечной кобуре, тяжелый, тупорылый, приятно легший в руку. Держать его навесу и рулить автомобилем было не простой задачей, однако Прохоров с этим справлялся на отлично. Ствол дернулся, и бронебойная пуля, пробив корпус автомобиля, вылетела с другой стороны, осыпав градом осколков дорогу зеркальную витрину ювелирного магазина.

Водитель кабриолета явно не хотел сдаваться. Он крутанул руль и почти ювелирно вписался в узкий проулок, заполненный припаркованными на ночь машинами. Ширины автомобиля хватило, чтобы лишь немного задеть боковые зеркала мирно стоящего автотранспорта, но Прохоров тут же усугубил ситуацию, вогнав свой танк вслед за удирающим без оглядки преступником. Взвывла сигнализация, заверещал истерично один автомобиль, потом к его горестному плачу присоединился второй, третий, и вот уже сонные жители выглядывают из окон, хватаются за голову и спешно звонят в полицию.

Превосходство Прохорова было доказано, однако гребанный водила не желал пасовать, и в какой-то миг оба болида вылетели на Невский проспект. Прохорова бросило в холодный

пот, ладони, держащие руль и рукоять штурмового оружия, вмиг намокли, и он, чтобы не натворить бед, осторожно положил ствол на безнадежно испорченное ранее чьей-то кровью пассажирское сиденье.

По бокам замелькали витрины, вздыбились испуганные лошади на Аничковом мосту, неприветливо нахмурились атланты, следящие настороженным взором за проносящимися мимо автомобилями. Однако схема работала. Местные службы уже перекрывали поворот к Арке Главного Штаба и споро разворачивали заграждения на Адмиралтейский набережной. У Прохорова была только одна задача: не дать преступнику свернуть на Дворцовую площадь.

Автомобили закружились в причудливом танце. Они сблизилась бортами, снова грохнул выстрел, на этот раз по колесам, машина майора вильнула в сторону.

Спортивный автомобиль дернулся, ускорился, но не тут-то было. Мощный бронированный борт снова преградил кабриолету дорогу. Скорость была сумасшедшей, автомобиль преступников несло, он мог в любой момент свернуть с дороги на пешеходную зону, где прогуливались влюбленные парочки и туристы, а это уже было чревато потерями среди гражданского населения. Прохорову могли простить машину министерства, пару витрин, несколько скамеек и с десяток антибликовых импортных зеркал, однако ранение гражданского позволило бы его дражайшему начальству «любить» его как минимум полгода, пылко и изобретательно. Но не это самое страшное. Больше всего оперативников пугала бумажная ссылка, куда время от времени отправляли самых наглых и непреклонных, а порой и проштрафившихся агентов.

Но тут вдруг все пошло не по плану. Прохоров надолго запомнил этот момент. Он фактически отпечатался у него на подкорке. Все, до малейших подробностей, от скрипа тормозов до грохота вмятой решетки радиатора. Выскочив на набережную, вместо того чтобы попытаться прорвать оцепление, нарушитель вдавил педаль газа, бросая своего ревущего зверя на поднимающуюся в небо створку Дворцового моста. Видимо, у него был какой-то план, однако что-то пошло не так. Передняя левая шина на машине преступника вдруг вздулась, а затем разлетелась в клочья. Авто подпрыгнуло, передняя ось сыпанула залпом искр, и, не снижая скорость, сломав ажурное ограждение набережной, болид ушел под воду.

Случилось это быстро, почти мгновенно. Никто даже понять не смог, что в этот раз произошло, и только спустя пару месяцев, перематывая записи, майор различил, как где-то в глубине, ближе к Летнему саду, на миг подмигнула оптика.

В этот вечер туристов в центр не пускали, а перекрытое движение, даже в это время, вызвало немалые пробки, и только праздно шныряющие по акватории легкие кораблики подогревали любопытство высыпавших на палубу зевак.

Вот чего было не остановить, так это рекламные плакаты, баннеры, табло и даже парящие в небе аэростаты. Особенно агрессивной в последнее время стала реклама телефонов нового поколения, которые можно использовать без рук, не заряжать месяцами и всегда иметь при этом доступ в глобальную сеть Интернет. Провайдеры сотовой связи потерпели крах, ведь телефон нового поколения – нейрофон – по функциональности мог заменить человеку ноутбук, но при этом телефон работал без симкарты, каким-то неведомым образом соединяя абонентов из разных концов мира. Ну, по крайней мере, так гласили рекламные слоганы.

С рекламных плакатов на нас смотрели улыбчивые «арийские семьи», расположившиеся в своих уютных гостиных, за круглым семейным столом или на пикнике в живописном месте. Все они выглядели счастливыми: мужья в дорогих костюмах, красавицы-жены и дети с лицами круглых отличников, – только дурак не захотел бы присоединиться к этой дружной компании всеобщего благополучия и достатка. Люди на плакатах держали в руках пластиковую коробочку размером с половину зажигалки, которая и являлась вождленным гаджетом

– нейрофоном, новой мечтой всех модниц, мажоров и «статусных» людей. Несколько месяцев назад на рынке мобильных устройств произошла революция, заставившая задуматься о будущем такие компании, как Нокиа, Сони, Хьюлит, Паккард и даже, уж простите, Майкрософт.

«Спешите! Только тридцать дней во всех магазинах города нейрофон 2.0! Возможность выходить в виртуальную реальность, год использования без подзарядки и контент, доступный только для владельцев устройства. Игры в жизни, игры по жизни, игры в жизнь».

Несмотря на заоблачно высокую цену устройства, за нейрофоном выстраивались километровые очереди, они перекрывали движение и мешали общественному транспорту. В ожидании своего аппарата люди ночевали прямо на улицах, в палатках.

Общество раскололось на два лагеря: приверженцев новых технологий, прогрессивных членов общества и неохваченных, или регрессоров. Последние просто не хотели помещать себе в ухо устройство, предпочитая общаться с друзьями, знакомыми и коллегами по старинке.

Прохоров принадлежал к последним, и не потому, что не любил новые технологии. Просто у него банально не хватало времени. Будни специального агента, человека с полномочиями, властью очень трудны. Не всегда ему удавалось отдохнуть ночью и в выходные. За последние годы работы у Прохорова заметно прибавилось. Отдел, в котором он трудился, занимался правонарушениями в сфере информационных технологий, и, отличный оперативник, боевой офицер, очень сильно удивился, когда пришел приказ о его переводе.

Первые пару месяцев он чувствовал себя будто не в своей тарелке, но потом начал вникать, и уже через год отлично ориентировался в терминологии, мог составить нужный запрос или попросить помощи на грамотном и понятном для специалистов отдела языке, однако за столом Прохоров брюки не просиживал. Основным видом его деятельности являлась работа в поле, перехват грузов, арест подозреваемых и, как ни странно, много мордобоя. Преступники стали наглее, оснащенные и подготовленнее. Теперь, даже при виде корочек, они не желают поднимать руки вверх, предпочитая давать бой или, как в случае с кабриолетом, устраивать гонки на выживание в исторической части города.

Сегодня майор держал в руках отчет по весьма странному инциденту.

Рано утром некий гражданин спрыгнул с крыши. Высота была приличная, травмы, полученные при падении, были несовместимы с жизнью, и все выглядело бы вполне заурядно, если бы не одно «но». Молодой человек явно не был ни суицидником, ни рецидивистом в розыске. Это был уважаемый мужчина, который приехал на конференцию.

Досье на Питера Гордона, именно так звали погибшего, было достаточно объемным. Главный инженер «Бостон Динамикс», шестнадцатый в списке Форбс, человек, на чьем счету сотни патентов, десятки изобретений и модификаций. Семьянин, меценат, при финансовой поддержке которого существует как минимум три некоммерческие волонтерские организации.

Прохоров внимательно посмотрел на фотографию Гордона на первой странице досье. Подобные папки собирались на всех видных персон, пересекающих границу, и в случае надобности информацию можно было поднять из картотеки.

Гордон был красив, такой тип мужчин нравился женщинам, и, судя по насмешливому взгляду, крохотным лучикам морщин в уголках глаз и шикарной, зачесанной назад шевелюре, парень любил это внимание. Такие жизнь самоубийством не кончают, предварительно перелетев для этого через океан. Тут было что-то другое.

Еще одна из причин, почему дело попало к Прохорову, это скорость расследования. Резкий запах международного скандала ударил в ноздри высокой политики. Требовалось

разобраться, быстро и тихо, «замяв» историю, до которой еще не добралась желтая пресса. Однако сделать это было крайне сложно, и те оперативники, что половчей да с мохнатой лапой, ловко увернулись от пресловутой папки с досье на покойника и его улыбающимся портретом.

Телефон на столе майора замигал красной лампочкой, и, подняв трубку, он услышал сухое:

– Зайди.

– Есть, товарищ генерал.

Чувствуя, что речь пойдет именно об американце, Прохоров взял папку, вышел из кабинета и уверенно зашагал к дубовым дверям кабинета шефа, располагавшегося в конце коридора. Там, как всегда, была очередь. С десятков чинов помладше, несколько гражданских и даже пара журналистов скучали в вестибюле приемной генерал-полковника Симонюка.

Оглядев всю эту пеструю компанию, майор пожал плечами и уверенно двинулся вперед, обронив на ходу секретарше:

– Вызывал.

Из распахнутой двери пахло корабельным лаком, крепким табаком и снобизмом – ароматами, сопровождавшими власть и твердый характер. Не хватало только запаха пороха, но его в жизни Симонюка было более чем достаточно.

– Ну, чего топчешься? Заходи давай.

Прохоров поспешно шагнул в кабинет и застыл на пороге, пытаясь предугадать реакцию шефа. Как правило, в самом начале недели он был скуп на слова и весьма непредсказуем на действия.

– Товарищ генерал-полковник, майор Прохоров по вашему приказанию прибыл.

Обстановка кабинета, оставшаяся от старого режима, гнетущая и мрачная, генерала вполне устраивала. Длинный стол для заседаний, почерневшие от времени деревянные панели на стенах, слегка выцветшая ковровая дорожка и с десятков массивных стульев находились тут чуть ли не со времен царя Гороха, и даже герб бывшей, когда-то могучей и наводящей ужас на потенциального противника страны все еще висел на стене. Из новинок тут появился только портрет главнокомандующего над столом да простенькая кофеварка. Со всеми своими постами и регалиями Симонюк предпочитал делать кофе сам. Если генерал предложит тебе кофе, значит, все хорошо. Если нет, жди напрягов.

Прохоров помедлил, Симонюк кофе не предложил.

– Садись. Дело по летуну принес?

– Так точно, товарищ генерал, – Илья положил перед шефом тонкую папку с документами, и Симонюк, нехотя коснувшись ее, открыл на первой странице. Изучал он дело недолго, скорей для проформы, и затем, захлопнув, отодвинул на безопасное расстояние.

– Послушай, майор, – начал он вкрадчивую беседу кобры с домашним кроликом. – Тут такое дело...

Прохоров напрягся, не ожидая ничего хорошего, и опасения его тут же подтвердились.

– Из Москвы звонили, из главка, а им прямиком из МИД-а. Просят разобраться в кратчайшие сроки. Основная идея – суицид. Дело простое, я на тебя в нем очень надеюсь. Собери по максимуму все, что сможешь, финализируй и закрой дело по факту недостаточных доказательств преступного деяния.

– Товарища генерал, а можно вопрос?

– Валяй.

– Если это суицид, то не наш профиль, если что другое... – Огонь в глазах генерала при этих словах вспыхнул так ярко, что, казалось, осветил самые дальние темные углы кабинета. – То тем более. Уголовка этим должна заниматься.

– Слушай, Прохоров, – Симонюк покачал тяжелой, лысоватой головой. – Кто-то наверху хочет, чтобы именно ты закрыл это дело. Оно для тебя знаковое. Облажаешься – уйдешь из конторы на заслуженный отдых, нет – получишь зарубку на приклад. Заодно от «Дворцовой» себя обелишь.

– Но это же не моя вина, товарищ генерал, – насупился Прохоров. – Действовали строго по инструкции, выставили посты, перекрыли подходы...

– ...а на выходе двухсотый и убитые водой доказательства. Илья, голубчик, ты пойми меня правильно, многие наверху уверены, что именно ты провалил вроде бы пустяковую операцию и спровоцировал кибер-преступника на такой отчаянный шаг. И им решительно плевать на твои доводы. Думай, Илья, думай, а то вдруг погоны жмут. И сделай все это до выходных, Христом богом тебя прошу. У меня у внука день рождения, я на дачу поеду. Мне совершенно не нужны звонки из Москвы. Вон уже и подарок купил.

Открыв ящик стола, Симонюк достал аккуратно упакованный гаджет, чье название пестрело нынче на каждом углу.

– Нейрофон. Вот, значит, как. Суперустройство.

– А не опасно?

– Да что я, майор, по-твоему, совсем дурак или внуку своему враг? – Грубая тяжелая лапища генерала накрыла крохотную коробочку. – Я уже с начмедом пообщался. Рюхин меня заверил, что все в лучшем виде.

Заняться делом летуна сразу не получилось. Горы отчетности, которые пришлось заполнить, задержали Прохорова в конторе до самого вечера, а когда он, выпив предварительно крепкого черного чая, решил заглянуть в морг, то там никого не оказалось. Дежурный, скучавший в коридоре, пояснил, что все уехали по домам больше двух часов назад, и с этим Илья отправился домой.

Следующий день, необычно яркий, с голубым небом и теплым ветром, проникающим в комнату сквозь открытое окно, был испорчен новой навязчивой рекламой гаджета. Радио на кухне, рассыпаясь в похвалах интеллектуальной новинке, настолько слащаво описывало все преимущества нового устройства, что у Прохорова заболели зубы. Поспешно переключив приемник на другую станцию, он убедился, что о нейрофоне говорят сейчас везде. Диджей утренней программы взахлеб рассказывали друг другу и почтенному слушателю про великолепные бесплатные игры на второй платформе нейрофона и, когда он наконец доберется до широкого рынка, настанет новая эра компьютерных игр и дополненной реальности.

Тяжело вздохнув, майор махнул рукой и, преодолев коридор, закрылся в ванной. По военному быстро, но тщательно приняв душ, побрившись и пройдясь ладонью по короткому бобрику волос, Прохоров снова проследовал на кухню, где налил себе кофе, быстро разогрел в микроволновке два бутерброда, приготовленные им со вчерашнего дня, и, покидав в себя эту «горючку», отправился в спальню к платяному шкафу. Поскольку Прохоров с недавних пор был в разводе, он один жил в съемной квартире. Нажитые вместе с бывшей супругой жилплощадь и дача отошли при разводе ей. Жизнь холостяка имеет свои плюсы и минусы. Конечно, порой не хватает женского тепла и ласки, а иногда до зарезу хочется котлет и борща, чтоб наваристый, духовитый, да с жирком. Однако и плюсы были очевидны. Удобно лежат нужные вещи, которые не надо искать за закрытыми дверцами шкафов. Тарелки можно мыть перед едой, а вот руки после. И только одежду свою майор привык всегда аккуратно развешивать и раскладывать.

Пройдя в одном полотенце до шкафа, Илья быстро выбрал что надеть – голубую сорочку, галстук в тон костюму и сам костюм, классический, черный. К нему шли мягкие кожаные туфли. Застегнул на левом запястье ремешок массивных часов в стальном корпусе.

Взглянув на часы, Прохоров улыбнулся, взял с прикроватного столика портфель с документами, переложил служебное удостоверение с тумбочки во внутренний карман пиджака, вышел из квартиры и запер дверь. День начинался бодро, день начинался хорошо.

– Здорово, эскулапы, – войдя в морг, майор устремился к столу, за которым сучали два лейтенанта медицинской службы.

Выйдя сегодня в первую смену, они откровенно маялись от похмелья и тоскливо поглядывали на кабинет патрона, полковника Рюхина, где тот в специальном шкафу под замком хранил все спиртосодержащие препараты.

При виде Ильи парни синхронно кивнули и вновь уставились в бумаги.

– Шеф тут?

– А куда ему деться, – синхронно подтвердили медики, что-то выводя в отчетах, папками с которыми был завален стол.

– А летун? Американец, что вчера привезли?

– На месте.

Молодой хмурый лейтенант с проседью на висках, нервно поправил халат и указал на противоположную стену помещения, около которой стояло несколько каталок. Другая стена представляла собой разбитый на несколько секций холодильник со стальными дверцами, где хранились останки потерпевших.

– Тогда я к полковнику. – Прохоров двинулся мимо прозекторских столов, ловко уходя от столкновений с различными предметами, один вид которых мог ввести обывателя в шок. Несколько секунд шествия по белоснежному кафелю пола – и вот она, дверь кабинета, в котором сидит человек, почти наверняка способный пролить свет на случившееся.

– Товарищ полковник?

Рюхин, седой, сутулый, с острым как клинок подбородком и тонкими нервными пальцами пианиста, оторвал взгляд от монитора и благосклонно кивнул.

– Вваливайся, майор. Дай угадаю, зачем пришел. Гражданин Соединенных Штатов Америки, мистер Гордон, сорок три года, множественные травмы, кровоизлияние, повреждение внутренних органов, компрессионные переломы, с жизнью несовместимые. Верно?

– В точку.

– Вовремя пришел. У меня уже запрос на столе. Через час будем голубя в посольство отправлять.

– Скоро они, – майор покачал головой. – Странное что есть?

– Да нет, – Рюхин пожал плечами. – Мелочи одни. Кровь в порядке, патологий не обнаружено, следы опиатов в крови не найдены, впрочем, и любая другая химия по нулям. Следов борьбы тоже. Убийный хорошо поработал, собрали его по фрагментам почти целиком. Все на месте. Вот сам полюбуйся.

Полковник подвинул Прохорову папку с протоколом, тот не глядя опустил на стул. На руке Гордона обнаружили солидных размеров золотые часы, а в кошельке, во внутреннем кармане плаща, нашелся бумажник, в нем было десять тысяч долларов с мелочью и небольшая сумма в рублях. На левом безымянном пальце, по западной традиции, обручальное кольцо, предположительно из платины.

– Не ограбление?

– Нет.

– Вещички его можешь пока забрать. Мы их потом в посольство передадим.

– Спасибо.

Остановившись на пороге кабинета, Прохоров вдруг нахмурился.

– Слушай, Рюхин, ты сказал про мелочи. Что это?

– Ах это? – полковник медицинской службы ухмыльнулся и резанул подбородком воздух. – Смотрю, не теряешь хватку. Пойдем, покажу.

Рюхин вышел из кабинета и направился напрямик к стене с холодильными камерами. Подчиненные, до этого страдавшие от абстинентного синдрома, вмиг стали свежими, подтянутыми офицерами, с блеском в глазах, но хватило их ровно настолько, чтобы патрон прошел мимо.

– Хронота, – бросил Рюхин мимоходом, но тон его был скорее снисходительный.

– Товарищ полковник, так закуска же градус крадет.

– Работаем.

Потянув за блестящую ручку, медик распахнул дверцу, выпустив в помещение морга холод мертвого тела. Вид у господина Гордона был далеко не цветущий. Череп, ранее вскрытый, сейчас вновь помещался на своем штатном месте, а по периметру головы отчетливо виднелась прорезь. Чтобы макушка импортного усопшего ненароком не соскочила, оконфузив собравшихся, медики пристроили ее назад на молекулярный клей. Шов в форме буквы «У» обезобразил грудь мертвеца, спускаясь фактически до паха.

– Вот смотри, – Рюхин рывком вытащил тележку и, откинув простыню, подкатил яркую лампу на треноге. Щелчок выключателя – и белесая, в синих разводах кожа Гордона графично отразилась на стальной поверхности каталки. – Травм много, и какие из них были до смерти, какие после, не разберешь. – Палец врача пошел ниже. – Колено было травмировано, но много лет назад. Есть переломы пальцев, тоже старые. Все эти травмы характерны для занятий спортом, так что состава тут не вижу. На парня точно никто не напал. Нет ни вывихов, ни растяжений, ни связанных с ними кровоизлияний в положенных местах. Под ногтями тоже ничего не обнаружено, а были бы следы кожи и крови, если бы Гордон решил прыгнуть с крыши не по своей воле. Однако вот.

Медик повернул голову мертвеца и указал на ухо.

– Что там? – Прохоров наклонился, силясь рассмотреть, на что указывал полковник, но, кроме крови и крохотных воспалений, ничего не увидел.

– У него в ухе что-то было, – пояснил Рюхин. – Что-то маленькое, вроде слухового аппарата. Если посмотреть поглубже, то ясно, что сам предмет был имплантирован. Повреждения есть и на внутреннем ухе. Я пошел дальше, вскрыл ему шею, и знаешь, что обнаружил?

Только сейчас Прохоров увидел небольшой разрез, заштопанный суровой ниткой.

– Что?

– Повреждения ствола головного мозга, причем не компрессионные. Выглядит это так, будто бы из него вырвали кусок. Я сделал несколько фотографий, они в отчете. Можешь потом на досуге полюбоваться.

– Что это может быть? – нахмурился майор. – Слуховой аппарат, настолько ценный, что из-за него убили человека?

– Может, и так, – развел руками медик. – Может, и так. Мое дело вскрывать и делать правильные выводы, твое – предполагать. Медицина – наука точная, и сослагательные наклонения в ней ведут к смерти пациента или ошибке в следствии. Я всего лишь говорю, что у Гордона был имплантат, который неизвестно для чего служил. Если бы у меня было больше времени, то я мог бы разобраться, но увы и ах, Прохоров, забирают двухсотого.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Прохоров зашел в кабинет и, грохнув на стол коробку с вещами мертвеца, опустился в кресло. На часах, висящих над входом, было еще только восемь утра, и потому отдел был пуст и тих. Не жужжали кулеры компьютеров, не надрывались от звонков телефоны. Прохоров любил это время. Спокойное, мирное, почти бытовое. Можно было сесть, удобно откинуться на спинку кресла, закрыть глаза и немного помедитировать, однако именно сегодня это в планы Ильи не входило. Вместо этого он открыл крышку коробки и выложил на стол несколько полиэтиленовых пакетов. Один из

них, с одеждой, Прохоров осмотрел первым и, разумеется, ничего не нашел. Пиджак и плащ не имели двойного подклада, тайных карманов или «нычек» в швах. То же было и с брюками, и даже с нижним бельем. Ботинки оказались совершенно обычными. Все, что вынес майор из осмотра вещей, это то, что Гордон косолапил на правую ногу и любил добротные шмотки.

Во втором пакете находились вещи, которые показались сотрудникам полиции наиболее ценными, и, по их общему количеству и весу, вариант с ограблением отметался начисто. Только одно кольцо из платины могло стоить несколько тысяч долларов, а уж о наличии и говорить не стоило. Кредитки и дорожные чеки Американ Экспресс тоже оказались на месте.

В третьем пакете были предметы, на которые стоило обратить внимание. Два фискальных чека, ключ-карта от номера, обрывок посадочного талона из Внуково, паспорт гражданина Соединенных Штатов со всеми нужными штампами и отметками. Паспорт выглядел настоящим, но на всякий случай Прохоров решил дать запрос в Интерпол и Бостонскую полицию, что и сделал, позвонив по нужным телефонам. Парни из Интерпола отработали быстрее американцев и подтвердили, что грехов за Гордоном у них не числится, а вот ответ из Бостона оказался куда более любопытным.

Прежде всего, заокеанские коллеги подтвердили, что инженер «Бостон Динамикс» и остывшее тело в морге – это одно и то же лицо. Они выслали и материалы на покойного, и, если бы не житейский опыт в такого рода историях, то майор бы не обратил на них внимания. Выпускник Массачусетского Технологического, в двадцать лет первый патент, несколько приводов за вождение в нетрезвом виде, радикальные взгляды, хранение марихуаны еще в студенчестве, но все это, конечно, баловство. Стремительная карьера в «Бостон Динамикс», за пять лет от рядового инженера до главы отдела разработок. Еще через три года исполнительный директор, потом совет директоров и, наконец, младший партнер. До старшего партнера и вершины пищевой цепочки подать рукой.

И тут перелом, радикальные взгляды сменяются ультра-радикальными. Гордон начинает работать над собственными проектами, числясь в своем подразделении только номинально. Ничего, что можно было бы назвать терроризмом, однако им интересуются многие. Линии Гордона начинают прослушиваться, замечен русский след.

На этом информация заканчивалась. Полицейский департамент Детройта откровенно намекал на то, что с инженером не все чисто, но, видимо, более влиятельные господа из других структур запретили сообщать что-то большее.

Чуйка – штука нужная. Есть кости, будет и мясо. Прохоров свою чуйку слушал и потому, наверное, до сих пор оставался на плаву. Это странное чувство предвидения, которое возникает у любого солдата в критический момент, вывело из-под обстрела немало бойцов, позволило затаиться в тот момент, когда снайпер врага рыщет по высоте в поисках открытого лба. Да мало ли что может подсказать чуйка. Главное, это ее развить и постоянно держать в узде, не позволяя играть с восприятием. Рюхин, впрочем, говорил, что это психоз и Прохорову хорошо бы лечить головушку, однако и отрицать существования шестого чувства полностью не решался.

Чуйка подсказывала, что это не самоубийство, тому была масса подтверждений, но доказательств насильственной смерти тоже не было.

– Здорово, Прохоров. – Дверь в отдел распахнулась, и первым на пороге появился лейтенант Зельдин.

Всего в отделе было семь человек. Часть из них, а конкретно четыре военных программиста, отслеживали и нейтрализовали вирусные атаки на правительственные учреждения города и сайты официальных лиц и так в этом поднаторели, что просиживали большую часть времени дома, иногда контролируя обрабатываемые скрипты и правя алгоритмы по удаленке.

Однако были и технические специалисты, медики, инженеры, без которых в деле информационной войны было уже не обойтись. Часто один сотрудник совмещал в себе все эти таланты, и Зельдин был одним из таких многостаночников.

– И тебе здравия желаю, – Прохоров поманил сникшего подчиненного к себе и вытащил из папки Рюхина фотографию с тем таинственным повреждением в ушной раковине, которое так заинтересовало медика. – Вот тебе ребус на сегодня. Выясни, как можно было нанести повреждения, а самое главное – чем. Клиент в морге, заберут минут через тридцать. Затягивать с осмотром не советую.

– А ты куда?

– В поля. Посмотрю, как живут импортные люди на вражеской земле. Все ли хорошо, все ли комфортно. Кстати, Зельдин, а чего ты сегодня такой нарядный?

Только сейчас Прохоров обратил внимание на то, что подчиненный пришел не просто в форме, а в парадке.

– Так день рождения, – нарочито обидчиво посетовал лейтенант.

Прохоров встал и дружелюбно затряс Зельдинскую руку.

– Поздравляю! Удачи! Карьерного роста! Всех благ!

Определить, где остановился покойный по прибытии в город на Неве, оказалось несложно. Очень скоро, взяв служебный автомобиль, Прохоров ехал по городу, прилежно останавливаясь на всех светофорах, однако путь до гостиницы оказался недолгим. Гордон выбрал для себя отель на Васильевском острове, недалеко от пешеходной зоны, и, заселившись там, выкупил целый этаж. То ли инженер не любил шум, то ли цены на проживание показались ему совсем смешными, однако на этаже больше никто не жил, да и посетителей у Гордона за последние три дня не наблюдалось.

Версию эту быстро подтвердили коридорный, горничная и молодая бойкая сотрудница рецепшена. Сначала разговор не клеился. Видимо, инженер был щедрым человеком и позаботился о том, чтобы его не беспокоили, но после того, как в разговор вступило служебное удостоверение, информация полилась на Прохорова как из рога изобилия. Через четверть часа майор выяснил следующее.

Питер прибыл на технологический форум, на котором должен был представлять несколько разработок своего подразделения. В день смерти именно ему предстояло выйти на трибуну, о чем свидетельствовали буклеты, найденные в его номере.

Майор сверился с расписанием выставки, сделал несколько запросов и выяснил, что презентация была закрытая, без лишнего шума и прессы. Среди приглашенных значился и сам министр обороны.

«Бостон Динамикс» давно уже занималась разработками в области вооружения и каждый год получала государственные заказы от министерства обороны Соединенных Штатов Америки, однако, оружие не было основной статьёй дохода. Львиная доля разработок была направлена на робототехнику. Гордон делал умные машины, помогающие в жизни и быту. Роботы-минеры, автоматические водители погрузчиков, интеллектуальный софт навигации и тысячи других диковинок, услышав про которые, возликовал бы сам Айзек Азимов.

Реальные намерения Гордона были не до конца ясны. Прославив радикалом, он вряд ли мог официально представлять компанию за рубежом, однако он был на слишком хорошем счету, чтобы его могли отстранить. Прохоров мог побиться об заклад, что стоило Питеру проявить интерес к рынку труда, как он сам бы незамедлительно дал о себе знать.

Ключ от номера идеально подошел, однако, чтобы быть уверенным, майор взял ключ-карты от всех десяти номеров на этаже и планомерно обошел их в поисках хоть малейшей зацепки. Девять номеров оказались пусты, постели не тронуты, напитки в минибаре в пол-

ной комплектации. Гордон строго запретил убираться на этаже и в номере, и услужливый персонал с радостью выполнял эту просьбу. Десятый номер, комната инженера, располагалась в самом конце коридора. Со слов служащих отеля, он настоял, чтобы его заселили именно в эту комнату. Прибыл Гордон с одним небольшим чемоданом, попросил, чтобы черный ход, дверь напротив номера, была плотно закрыта, а потом потребовал, чтобы напротив выхода, в нарушение всех правил пожарной безопасности, поставили массивный диван.

Прохоров остановился около него и попытался сдвинуть с места. Дело это оказалось не легким, однако поднапрягшись, он подвинул диван на пару метров, освобождая проход и наделав при этом немало шума. Никто не мог попасть на этаж незамеченным, что говорило о том, что покойный если и не ждал нападения, то все равно чего-то явно опасался.

Подойдя к номеру, Прохоров хотел было отпереть дверь, однако, та, скрипнув, приоткрылась сама от малейшего прикосновения. Чуйка снова сыграла. Майор мгновенно прильнул к стене, и вовремя. Внутри грохнуло, и в двери появилась аккуратная дыра.

– Ох ты ж. – Илья усмехнулся. Рука плавно скользнула под полу пиджака, и тяжелая рукоять пистолета оттянула руку. – Внимание, опустите оружие и выходите с поднятыми...

Еще две аккуратные дырки, на этот раз ближе к косяку, украсили недавно новенькую добротную дверь. Майор опечалился, он очень не любил, когда его перебивают. Прохоров лег на пол, так, чтобы не попасть в зону обстрела, и методично расстрелял всю обойму в дверь, потом еще одну, а когда патроны закончились, снова поинтересовался.

– Возможно, теперь уважаемые бандиты решат сдаться, или еще что-то необходимо доказывать?

Ответом Прохорову было молчание.

Преступник ушел через окно. В тот момент, когда Илья решил поиграть в гангстера и так бездарно тратил казенные боеприпасы, незнакомец открыл окно и, неспешно пройдя по карнизу, добрался до пожарной лестницы. Там позже обнаружили отпечатки и частички одежды. Следственная группа, прибыв на место, установила, что неизвестный проник в номер минут за десять до прибытия Прохорова. Камеры видеонаблюдения засняли, как неизвестный, невысокий худощавый человек, лицо которого не удалось разглядеть из-за капюшона, просто вошел в здание, поднялся по лестнице и, открыв электронный замок собственным ключом, исчез в номере.

Внутри было все перевернуто. Ящики опустошены, карманы на одежде вывернуты. Даже горшок с растением пострадал от досмотра. Неизвестный пошел дальше и исследовал смывной бачок в туалете, оставив при этом отпечатки пальцев.

Преступник что-то искал, однако, что конкретно, установить не получилось. Дело стремительно выходило за рамки самоубийства, и втиснуть его в них теперь не представлялось никакой возможности, о чем майор с сожалением сообщил генералу. Симонюк был явно не в духе, спустил на Илью «всех собак», жонглируя такими идиоматическими выражениями, от которых покраснел бы, наверное, даже самый прожженный циник.

– Даю тебе времени до вечера четверга, – сухо бросил генерал в самом конце разговора. – Ты закроешь это дело в любом случае, иначе смотри мне. Не смогу защитить.

Повторная проверка чеков, которые Прохоров взял из вещей покойного, выявили пару адресов, и, чтобы не возвращаться в контору, он решил их посетить. Первый был пустяковым. Зайдя в грузинский ресторан, накануне печального события, Питер Гордон заказал бараний шашлык, хачапури и салат из баклажанов. По фотографии, которую показал администратору майор, служащий уверенно узнал инженера.

– Он долго тут сидел, все со своим приятелем разговаривал.

– С приятелем? – Прохоров почувствовал тревожный щелчок вновь появившейся зацепки. – Каким еще приятелем? Как зовут?

– Да почему я знаю? – администратор с грузинской фамилией на бейдже повел покрытым щетиной подбородком. – Я не прислушивался. Могу позвать официантов, что обслуживали. Да я запомнил-то только потому, что они очень долго выбирали из меню. Почти час его листали.

Сев в баре, Прохоров дождался, когда найдут девушку, которая обслуживала инженера и его загадочного знакомого. Светловолосая, плотная, с выцветшими серыми глазами и ярким макияжем, Галина диссонировала со спокойным мирком грузинской харчевни. Она оказалась бойка на язык и не сбавила гонора даже при виде удостоверения.

– Да странные, оба два, – поделилась она, подперев пухлой ладошкой второй подбородок и поправляя свободной рукой черный форменный передник. – Сначала этот, в капюшоне, пришел. Разило от него чесноком, так что хоть форточку открывай, но мы – заведение демократичное, никому не отказываем, кто порядка не нарушает и платить готов. Потом этот, американец, прискакал на кривой козе. Так торопился, что весь запотел, будто пол-литра с мороза.

– Галина Александровна, а почему вы решили, что второй – американец?

На лице официантки отразилась мысленная активность, да такая, что появились морщины на лбу.

– Да он сам и сказал. Да и потом, он же наличкой расплачивался. Я когда его кошелек увидела, конечно, не специально, прямо обалдела. Одни баксы. Ограбили его, что ль? Так не мудрено. Кто же с такими деньгами по улице ходит?

– Это к делу не относится, Галина Александровна, – поспешил перевести разговор в нужное русло Прохоров. – Как выглядел этот, который чесноком пах?

– Да как неудачник, – пожалала официантка плечами. – Американец холеный такой был, с маникюром, стрижечка аккуратная, кольца на пальцах, толстые такие, видно сразу, дорогие. А этот в толстовке, небритый, бледный что мука. Щурился постоянно, когда дверь открывали. Я уж думала, попадет на него солнечный луч, так парень задымится. – Небритый он был. Волосенки жиденькие. Больше ничего особенного не помню.

По описанию выходило, что в харчевне Гордона ждал либо опиумный наркоман, либо вампир.

В помещении тоже имелись камеры, однако и они не смогли показать майору лицо таинственного незнакомца. Запись нашлась чудом. Еще пару дней и сервер просто затер бы файлы за ненужностью, однако, выяснить получилось еще один факт. Фигура незнакомца, что, по предположению опергруппы, открыл огонь через дверь номера, была очень похожа на посетителя кафе. Та же сутулость, стиль в одежде, чуть видный из-за тени небритый подбородок. Щетина редкая, бороды на лице парень вырастить не сможет, как бы ни старался.

Вызвав портретиста, Прохоров двинул на следующий адрес, по пути обдумывая все, что смог узнать в ресторанчике. Двое встретились в середине дня. Долго заказывали еду, потом неспешно разговаривали, однако, спустя пару часов о чем-то хорошенько поспорили. Гордон даже перешел на крик, на что его товарищ, пытаясь утихомирить своего собеседника, даже пару раз усадил его на диван, надавив на плечи.

При выходе из харчевни, человек в капюшоне прятал лицо.

Вторым адресом оказался офис продаж нейрофонов, что было странно вдвойне. Парень в голубой рубашке, стоящий возле стенда с устройством, тоже признал на портрете Питера.

– Приходил, – честно ответил он. – Купил вторую модель. Я предложил помочь одеть, но он отказался. Сказал, мол, в подарок.

– Больше ничего?

– В точности. Расплачивался наличными, попросил все документы. Я ему гарантию даже дополнительную выписывал. Смотрю, вы не пользуетесь. Не хотите приобрести?

Прохоров обвел взглядом зал, битком набитый желающими приобрести новинку высоких технологий. Шум внутри помещения стоял такой, что при общении даже приходилось кричать.

– Даже не знаю, – Прохоров пожал плечами.

– Попробуйте, – продавец, молодой розовощекий парень, с ловкостью фокусника открыл коробку и вытащил на свет крохотное устройство серого цвета. – Уникальная штука. Все сертификаты присутствуют, на рынке совершенно легально. У нас есть дилерский договор с производителем. Собирают в Индии, но сейчас там все собирают, от автомобилей до наручных часов. Качество великолепное, для здоровья совершенно неопасно. Минздрав выдал сертификат, полностью это подтверждающий.

– А как он действует?

Майор с сомнением взял в руки нейрофон, такой маленький и хрупкий на вид.

– Очень просто. Связь с сетью поддерживает по спутникам на орбите, потому можно позвонить по интернету кому угодно, если установлены соответствующие мессенджеры. Поскольку трансляция идет напрямую в кору головного мозга, то эффект от ношения удивительный. Я сам не верил, пока не попробовал. Второй день наслаждаюсь.

В доказательство своих слов продавец повернулся левым ухом, представив на обозрение собственный девайс. В ушной раковине его фактически не было видно, и если бы парень не сказал, то Прохоров в жизни бы не обратил на это внимание.

– Ну а что он еще может?

– Помимо того, что не нужно занимать руки во время вождения? – продавец довольно усмехнулся. – Он совершенно безвреден, в отличие от обычных сотовых телефонов с передатчиками. Никакого негативного влияния на организм, на сетчатку глаза проецируется экран, из-за чего кажется, что перед глазами парит небольшая прозрачная панель навигации, а дальше дело за малым. Хотите – играйте, можете новости читать или с друзьями переписываться. Интуитивный интерфейс вас приятно удивит. Даже Стивен Хокинг признал выдающимся достижением человечества появление нейрофона. Теперь он лучше, дешевле, быстрее. Прогресс не стоит на месте.

– Постой, ты сказал, что в ухо вставляется. – Майор опасливо положил устройство обратно в коробку. – А потом про головной мозг и сетчатку. Что-то не знаю я таких устройств, которые безболезненно бы работали на таком тонком уровне.

– Поверьте, все происходит совершенно безболезненно. – Продавец вновь весело подмигнул и, подцепив свой нейрофон, осторожно, почти с трепетом, извлек его из уха. В тот момент, когда гаджет оказался на ладони парня, на лбу его выступили крупные капли пота, однако улыбка не ушла с лица. – В любой момент вы сможете избавиться от устройства, однако, когда поймете, насколько оно великолепно, захотите ли?

Илья вернулся в седьмом часу вечера и был удивлен, когда увидел склонившегося над документами Зельдина. Парадный пиджак именинника давно уже перекочевал на спинку стула, волосы на голове лежали в полнейшем беспорядке, на лице отпечатались глубокая задумчивость, но глаза блестели тем самым неукротимым энтузиазмом, которого опасалось высшее руководство, и, надо сказать, не без основания.

– Ты чего сидишь, отличник? – Прохоров с облегчением повесил на вешалку пиджак и, опустившись в кресло, вытянул ноги. Ступни гудели как высоковольтные столбы. Хоте-

лось скинуть ботинки, однако это божественное ощущение было слишком интимно, чтобы позволить его себе при посторонних.

– Да вот, – Зельдин оторвался от документов. – Подкинул ты мне задачку на целый день мозгового штурма.

– И как? – поинтересовался Прохоров. – Решаемо?

– Почти. Устройство, что было в ухе у пострадавшего, а это было именно устройство, находилось там не более часа. Я с медиками поговорил, сделал соскоб, запросил поддержку центральной лаборатории. Все говорит о том, что действовала биологическая агрессивная среда, однако наличие частиц пластика и еще чего-то, явно искусственного, очевидно.

– Постой, – брови майора удивленно взлетели вверх. – Ты хочешь сказать, что в голове Гордона жил гном в коробочке?

– Пока выясняем, – пожал плечами лейтенант. – Однако я пошел дальше и сделал запрос по медицинской базе. Случаев с похожими повреждениями раньше не наблюдалось. Но за последнее время, это примерно за месяц до происшествия, всплыли похожие ситуации. Все они летуны, все до единого. Два случая в Новосибирске, один в Екатеринбурге, три в Москве и еще два в Питере. Все они не дошли до нашего ведомства, потому как расшиблись сограждане, и следаки не сочли нужным информировать бюро. Я тебе файл по почте отправил с неплохим портфолио по этому вопросу.

– Сам изучил?

– А то.

– И выводы.

– Совершенно незнакомые друг другу люди. Возможно, детальный анализ и покажет что, но на это уйдут недели. Разные слои населения, доходы, место жительства, предпочтения, привычки, сексуальные пристрастия и даже история браузера. Ничего такого, что могло бы их связать воедино.

– Значит, не серийный убийца?

– Я этого не говорил. Кстати, я тут по собственной инициативе обратился к «Большому брату». Они, что странно, откликнулись. Сказали, что сопровождали саммит, а заодно, по старой партийной привычке, глушили все источники передачи данных. И надо же было такому случиться... – лейтенант выдержал театральную паузу, но Прохоров уже собрался и не выдал своего волнения. – Что они засекли мощнейший поток информации. Они сбросили файл, который передавался. Игорь, из технарей, его три часа из хранилища вытаскивал.

– И что?

– Так он ждет тебя.

– Так что же ты сразу не сказал!

Прохоров вскочил, забыв про усталость в ногах, и бросился в технический отдел. Самый настоящий дата-центр, со всеми возможными степенями защиты, от виртуальных до физических, находился в подвале здания, и, чтобы попасть туда, требовалось пройти три поста защиты, сдать служебное оружие и подвергнуться личному физическому досмотру. На счастье, кабинет Игоря, местного админа, находился на границе этой неприступной крепости.

Слетев по помпезной каменной лестнице, проскользнув мимо галереи портретов руководителей ведомства, перемахнув через скамейку и чуть не своротив гигантский фикус в кадке, который, по слухам, посадил сам Железный Феликс, майор оказался около двери Игоря Платонова.

– Игорюха, ты тут?

– Тут, куда я денусь, – розовощекий, пухлый парень в толстовке, с совершенно неуставной прической и внешним видом, сидел за компьютером, что-то бодро настукивая на кла-

виатуре. Рядом с ним лежали две пары очков виртуальной реальности, которые Прохоров видел в канфискате, как раз на прошлой неделе. – Ты долго?

– Работа.

– У всех работа. Зельдин сказал?

– Да.

Прохоров застыл, обозревая горы разобранных компьютеров, трещащие по швам картонные коробки с «горелым железом», не выработавшим еще срок амортизации, и прочим компьютерным хламом, что админ бережно хранил в своих владениях.

– Ну, не томи.

– Сядь пока, грузится. Я на очки выведу, для пушшего эффекта.

Майор стряхнул со стула, стоящего рядом, ворох бумаг, подкатил его еще ближе к столу Игоря и уселся. Мебель протестующе скрипнула, однако Илья не обратил на это особого внимания.

– Значит, так. Файл здоровый, но не такой, как если бы его под стандартную мелкоягодную платформу делали. Тут другое, – Игорь снова застучал по клавиатуре.

– Ты яснее выражайся, – поморщился Прохоров. – Я в поле работаю. Мне чем проще, тем быстрее арестую.

– Все бы вам, товарищ майор, в кандалы, – усмехнулся Игорь, и тут же, смягчившись, кивнул почти доверительно. – Если вкратце, то парни из Большого дома внезапно расщедрились, а заодно и расстарались. Засечь передачу – это одно, а записать ее без потерь – совсем другое. Растут, заужавал их.

– А что кроме общего признания злейших друзей?

– Кроме этого много что. Файл здоровый и не зашифрованный. Платформа сначала показалась мне совершенно незнакомой, но я копнул в Интернете и очень скоро выяснил, для чего софт.

– И для чего?

– Нейрофоны. Только их операционная система настолько гибка и быстра, что способна переработать такой поток информации без потери качества. Вот представь себе обычный мобильный телефон.

– Ну, представил, – Прохоров уверенно кивнул. – Я же не совсем дурак.

– Я не о том. Передача даже через LTE, в идеальных условиях, ну скажем на метр, это вроде выстрела из воздушки. Прием-передача массивов информации в нейрофонной операционной системе сродни выстрелу из главного калибра, точнее, эффект от выстрела такой, а вот ствол-то от воздушки остается. Я преклоняюсь перед архитекторами баз данных и разработчиками среды нейрофона. Они просто гении.

– Кстати, что можешь сказать об устройстве в целом? – решил поинтересоваться Прохоров. Мнение технического специалиста, державшего в руках ключи от сетевых хранилищ ведомства уже не первый год, казалось ему весьма авторитетным.

– Очень продвинутая игрушка, – пожал плечами Игорь. – Продвинутая и опасная. Доподлинная реальность, это вам не фунт изюму. Я тебе сейчас покажу. Надевай очки.

Прохоров слышал о дополненной реальности, однако ничего опасного в этом не видел. Суть технологии заключалась в том, что на реальную картинку накладывался виртуальный персонаж, вроде покемонов, но ни он, ни любой другой нарисованный фантом не способны нанести физического вреда человеку.

Приняв из рук Игоря очки, майор надел их и стал ждать, однако время шло, но ничего не происходило.

– И что тут опасного?

– Ты на руки посмотри.

Голос админа был почти издевательским, с ноткой сарказма и, похоже, превосходства. Илья пообещал себе надавать при случае наглецу по шее, однако отложил воспитательный процесс до другого случая. Рука, поднесенная к глазам, больше этой рукой не являлась. Это было что-то другое, перья, большие, белые, плотно прижатые друг к другу, шли по всей руке, уходя за спину, где расходились в огромное, сияющее крыло. Со второй рукой было все так же. Майор поднял глаза, взглянув в зеркало напротив, и оторопел. Он был ангелом. Мощный торс, разящий взгляд, нимб над головой. Белая тога сменила деловой костюм, волосы, светлые и кудрявые, антично ниспадали на непомерно широкие плечи. Талию Прохорова охватывал пояс из золотых колец, а икры ног обвивали тонкие ремни кожаных сандалий.

– Охренеть, – только и смог он произнести.

– Ты на меня посмотри.

Майор перевел взгляд на Игоря. Перед ним предстал во всей красе новый админский лик. То был ангел черный, яростный, с пылающим взором и оскалом зверя, искореженный, горбатый, с крыльями изломанными и обожженными. Вокруг головы Игоря пылало пламя, а прямо из лба выросли два здоровенных рога. Тога, пурпурно-черная, с рубинами-пряжками и стальными кольцами пояса на талии, да две козлиных ноги, закинутых одна на другую.

Илья поспешно снял с лица очки, потом снова надел, потом опять снял. Увиденное им было настолько реалистично, что если бы он сам не наблюдал эффект, то в жизни бы не поверил рассказам о подобных метаморфозах.

– Это еще что, – поделился админ-демон. – Ты хороший, я плохой, но это только вершина айсберга. Я поднял матчасть по нейрофону. Он воздействует прямо на мозг. В коде есть часть, которая буквально заставляет тебя почувствовать себя ангелом. Эйфория, неведанная сила, уверенность в том, что ты бессмертен и можешь летать. В обычных очках виртуальной реальности мы только видим образы, но я бы попробовал такую штуку сам. Конфета – а не игра.

Картинка потихонечку начинала вырисовываться. Голова Прохорова уже гудела от обилия информации, хотелось есть, еще больше спать, и, отложив мозговой штурм на следующий день, майор отправился домой. Когда он заруливал во двор, карман пиджака завибрировал. Неспешно припарковавшись, Илья вытащил мобильник и сморщился. На экране устройства отображалась информация «Номер не определен».

– Майор Прохоров, слушаю.

В трубке послышалось вежливое покашливание, будто кто-то заранее прочищал горло перед важным разговором.

– Приветствую тебя, майор.

– И вам не хворать. С кем имею честь разговаривать?

В трубке на секунду повисло молчание.

– Это не важно, однако знание может вызвать массу осложнений. Слушайте меня и не перебивайте.

– Кто это говорит, представьтесь, или я повешу трубку. Вы разговариваете с сотрудником особой службы. Не советую устраивать телефонные розыгрыши. Ваши действия могут быть расценены как двести тринадцатая статья уголовного кодекса Российской Федерации, способная повлечь...

– Гордон, Питер Гордон.

Гнев в голосе Прохорова мгновенно улетучился, уступив место любопытству.

– У вас есть информация по поводу смерти Гордона?

– Майор, – незнакомец в трубке вдруг показался Илье очень уставшим. – У меня есть информация. Я говорю по защищенному каналу через десяток прокси-анонимайзеров, так

что ни один ваш спец не сможет меня найти. Однако время идет, у меня есть пять минут, три из которых вы уже потратили на препирания.

– Мы можем встретиться?

– Нет. Это опасно, не для меня, для вас в первую очередь.

Майор покачал головой.

– Говорите.

– Я знаю, зачем и к кому приехал Гордон. Он же прилетел в Россию не только своими роботами похвастаться.

– И зачем же?

– У него был партнер, негласный. Таких не вносят в документы, не приглашают на светские рауты. Имени я не знаю, а вот в теневой сети он личность знаменитая – Краш. Ищите Краша. Он многое сможет объяснить. И еще одно, я тебе кое-что пришлю. Посмотри, так и только так ты сможешь подобраться к этому парню.

– Зачем тебе это? – Прохоров не верил анонимным доносчикам. Нельзя было проверить информацию, устроить перекрестный допрос. Все, что у него было, это слова незнакомца, возможно, сидящего где-нибудь в интернет-кафе в Перми или Новослободске и пишущего разговор, для того чтобы выложить его в глобальную сеть.

Домашний компьютер показал почту, в которой лежал небольшой видеофайл. Прохоров уселся за монитор, прихватив с собой кружку крепкого чая, прогнал антивирусную пароварку, убедился, что важных документов на его персоналке не имелось, и только после этого запустил видео.

Сцена, отобразившаяся перед ним, по факту была местом преступления, с той лишь разницей, что полиция на него еще не прибыла. Угол обзора был странный, как будто с веб-камеры. Прохоров специально заказал видео со всех камер, установленных на ближайших кафе, банках и магазинах, но ни одна из них не дала ценной информации, а частный сектор, видимо случайно, заснял момент катастрофы.

Гордон рухнул вниз, застыл, дернулся, что странно, потом затих окончательно. Это был инженер, сомнений быть не могло, но дальше пошла нужная информация. Тот самый парень в капюшоне, который обедал с инженером в ресторане, появился через пару минут после трагедии. Лица его по-прежнему не было видно. Парень принялся судорожно рыться в карманах мертвеца и после, видимо, ничего не найдя, быстро удалился из поля зрения объектива. Прохоров уже было хотел отключить видео, однако появился новый персонаж. Одет он был так же и явно знал, что рядом кто-то снимает. Лицо его было закрыто шейным платком, и опять же разглядеть что-то не получалось. Человек наклонился, закрывая собой обзор, а потом поспешно убрал в карман что-то красное. Голова Гордона поменяла свое положение. Переломанные кости шеи позволяли вертеть ее, как тряпичную куклу.

Теневой Интернет, место опасное, захватывающее и интересное. Весь компьютерный криминальный мир, от продажи ворованных запчастей до взлома страниц в социальных сетях, готов предоставить тебе свои услуги, стоит только зайти через нужный софт на нужный скрытый от индексации поисковиками портал. Оружие, работоторговля, наркотики, корпоративный шпионаж и даже убийства – все это можно без труда заказать, имея подход и нужную сумму на счету, и именно потому особый отдел дневал и ночевал там, выискивая зацепки по текущим преступлениям.

Прохоров отлично понимал, что соваться в теневой интернет в поисках таинственного Краша лично ему точно не стоит. Местная тусовка быстро расшифрует в майоре сотрудника органов, и Краш сменит явки и уйдет на дно. Илья предполагал, что после смерти Гордона компьютерный подельник и без того перестал проявлять активность, а наличие майора в сети вызовет его полнейшее исчезновение. Однако мир не без добрых людей, и люди те –

информаторы. Вы будете удивлены, но стукачами они себя не считали, и даже находились те, кто сливал информацию по собственной инициативе. Большая часть, впрочем, работала исключительно для того, чтобы замолить свои былые грехи и не позволить старому уголовному делу вновь попасть в производство.

Одним из таких информаторов был студент Курехин, хороший программист, однако ленивый и безответственный человек, в свое время оступившийся на подделках кредитных карт. Он периодически подбрасывал Прохорову нужную информацию и мог сделать то, чего тот же Игорь из отдела не стал бы воспроизводить по идейным соображениям.

Утром следующего дня Прохоров вышел из дома, держа в руке пластиковый термос с кофе, и направился на поиски Курехина-студента. По адресу прописки парня можно было не искать, он там появлялся крайне редко, как и в институте. Был один адрес, квартира на окраине города, где его видели, и не раз, первым делом Прохоров направился туда. В квартире его встретила хмурая пожилая тетка, Зимина Александра, шестьдесят третьего года рождения, проходившая ранее по делу о сбыте и распространении наркотиков. Так уж сложилось, что на ее квартире появлялись, а иногда и проживали разные темные личности, однако сегодня ничего подозрительного не было. Зимина побожилась майору, что студента не видела с четверга, однако рассказала, где его можно найти.

В новом районе, рядом с Оккервилем, в подземном комплексе снимался склад, о котором часто разговаривала местная публика. Там за наличку или травку можно было достать поддельные права, справки, больничные или пароли от социальных сетей неверной супруги.

Здание склада находилось в подвале приличного двенадцатиэтажного дома с огороженной территорией, зелеными газонами, тремя десятками парковочных мест и детской площадкой. Попасть туда оказалось непросто. Вахтер решительно не хотел открывать незнакомцу дверь даже после того, как тот представился. Прохорову пришлось перелезть через забор. Едва его ноги коснулись черной полосы асфальта, позади послышались торопливые шаги.

– Ах ты, сука пархатая, пробрёлся таки, ну сейчас я тебя в ментовку-то...

Занесенный над головой майора продолговатый черный предмет, позже опознанный как резиновая дубинка, просвистел совсем рядом с виском, чудным образом расстроив и обескуражив Прохорова. Расстраиваться Илья не любил и, придав лицу выражение добродетельного голодного людоеда, резким движением руки вбил кадык ретивого охранника внутрь, заставив его рухнуть на землю и музыкально захрипеть.

Присев, Илья дружелюбно похлопал корчащегося в судорогах противника по спине.

– Ты, парень, не переживай, горло поболит с полгодика, потом говорить заново учиться будешь. На твою сволочную сущность это никак не повлияет.

Проходящие мимо жильцы схватились за мобильные телефоны, кто-то полез в багажник собственного автомобиля в поисках хоть какого-нибудь оружия. От массовой драки спасло служебное удостоверение.

– Всем спокойно. Работает специальный отдел, – хорошо поставленным голосом пояснил Илья, показывая корочки по кругу всем желающим. – Этому, – брезгливый кивок в сторону поверженного противника, – «скорую» вызовите, а то ведь задохнется. Всем спасибо, расходитесь. Впрочем, если кто желает, можете побыть понятыми, это не займет много времени.

После столь лестного предложения желающих вдруг значительно поубавилось, и только какая-то сердобольная старушка, сидевшая на скамейке неподалеку, бросая опасливые взгляды на Прохорова, принялась названивать по мобильному телефону.

Обойдя дом, вход в помещение находился с противоположной стороны, Прохоров нашел неприметную дверь и нажал на прикрепленный к косяку дверной звонок.

За дверью зашевелилось, забулькало, камера над входом неприветливо вильнула объективом.

– К кому?

– К Курехину.

– Нет тут таких, не проживают, – сварливо поделился ловко спрятанный в кирпичихах динамик.

– А ты поищи, – дружелюбно попросил майор. – Скажи, что Прохоров ищет.

Повисла неловкая пауза, растянувшаяся на несколько минут, после чего щелкнул электронный замок и дверь отворилась. В проеме мелькнула небритая бледная физиономия с раскосыми глазами и толстыми, будто два вареника, губами на вытянутом лице.

– Проходи. Он в зале. Только без глупостей.

Илья шагнул внутрь и тут же оказался в темноте. Неясный свет, пробивающийся из-за плотно зашторенных окон, создавал неприятную гнетущую атмосферу. Пахло хлоркой, табаком и горелой изоляцией. Вареник нехотя указал на коридор, по которому предстояло пройти до таинственного зала, и, пожав плечами, Илья двинулся в нужном направлении. Грубо оштукатуренные стены вскоре стали светлей, слабые лампы, забранные в сетку, давали немного света, из-за чего помещение выглядело еще хуже. Черда дверей, по правую и левую сторону, хранила в себе много секретов. Откуда-то доносилась музыка, другая скрывала грубую брань, чуть дальше звенели посудой, и слышалось гудение газовой горелки.

В зале оказалось мало народу. Прямо посреди помещения стоял стол, на котором расположился толстый бородатый мужик в кожаных штанах. Раздетый по пояс, он, с гримасой мученика на физиономии, позволял девице, чьи руки и большая часть лица были забиты татуировками, трудиться над своим правым предплечьем. Из-под иглы машинки на коже толстяка сквозь кровь проступала оскаленная морда волка. Занятые своим делом, они не обратили на Прохорова ни малейшего внимания. Чуть подалее стоял большой кожаный диван, на котором спали две голые девицы и лысый тип в рваных джинсах и два компьютерных стола, за которыми, сгорбившись, сидели болезненного вида люди. В одном из них Илья узнал студента Курехина. При виде майора тот нехотя кивнул и, отделившись от своего кресла, неуверенно шагнул вперед. Парень был сильно пьян.

– Здравствуй, пехота, – неуверенно, однако радостно сказал он. – Чего приперся?

Большое количество чего-то одурманивающего явно притупляло чувство его самосохранения. В трезвом виде Курехин бы никогда не отважился на такие обороты речи.

– Что жрал? – хмуро поинтересовался майор. – Химия? Гомеопатия? Бухло...

– Да ладно, начальник... ик, чего ты право слово. Как теща из Гомеля приехала...

– Ага, она, родная.

Имевшаяся в зале раковина с краном пригодилась как никогда кстати, и вскоре недовольное бульканье и мат заполнили зал. Холодная вода обрушилась на затуманенную голову студента оживляющим дождем, проясняя сознание и выставляя приоритеты, и уже через десять минут, мокрый до нитки, недовольный, но способный соображать, Курехин злобно пялился на Прохорова из дальнего угла.

– Ожил? Думать можешь?

Уверенный кивок.

– Разговор есть, не для чужих ушей.

Студента вдруг передернуло от омерзения.

– Говори тут, – выдавил он сквозь зубы. – Тут все свои.

– Краша знаешь?

На лице Курехина появилось откровенное удивление, быстро сменившееся новой порцией злобы.

– Да кто его не знает?

– Что за человек, как зовут, адрес?

– Начальник, ну ты даешь, – студент поднялся и принялся стаскивать с тощего торса промокшую насквозь майку. – Он же тень, шатун, мать его. Если бы кто-то знал, как его зовут, ну вот, в реале, то ты бы ко мне не пришел. Прошуршал бы страницами, и готово.

– Выйти на него можно?

– Можно, только сложно.

Прохоров положил ладонь на узкое плечо собеседника, и тот болезненно дернулся.

– Ты мне не крути. Если пришел за тобой в эту помойку, значит, возникла острая необходимость. Я его не арестовывать собираюсь, а скорее защитить.

– Иди ты, – оскалился студент. – И от чего же? От антивируса Касперского?

– От полета в небеса, – Прохоров отпустил парня, и тот, опасливо попятившись, принялся выжимать на пол воду из своей футболки. – Попытайся связаться с ним, сообщи что и как. Дай мой номер, я жду.

Звонок от осведомителя прошел через тридцать минут после того, как Прохоров покинул «склад».

– Нашел я его, начальник, но было непросто.

– Давай.

– Он сначала на контакт не шел, но я ему сказал про полет, и он вдруг запел будто соловей. Прямо волшебное слово.

– Что выяснил?

– Толком ничего. Номер сбросил какой-то. Сказал, что если это действительно ты, то разберешься без труда.

– Сам номер пробивал?

– Не успел. Сразу тебе звонить. Ты мне такой кайф обломал, так не особо охота тебя в ближайшее время видеть. Услуга за услугу, так сказать.

– Номер где?

– Сейчас, сброшу.

Приехав в отдел, майор положил на стол мобильник и, открыв мессенджер, взглянул на высланную студентом цифровую комбинацию. Больше всего это походило на порядковый номер чего-то, шесть цифр, вразнобой, последнее целое. Все просто, отдел по защите свидетелей.

Подключившись к закрытой сети ведомства, уже через десять минут майор имел исчерпывающее досье на Краша. Фигурой он был легендарной, если не сказать больше. Пионер отечественного хакерства, из хорошей семьи. Отец бизнесмен средней руки, мать – учительница младших классов. В нулевых новый бизнес, торговля валютой, дела идут хорошо, и появляется новый образчик советского гражданина, золотая молодежь. Краш оказался из таких. Учился за границей, с восемнадцати лет жил в квартире на Невском. Был популярен среди женщин и ходил в должниках у брокеров. В конце десятых был пойман на взломе базы данных МИДа. Чтобы не загреметь в Черного Дельфина, решил сдать несколько крупных криминальных авторитетов, слив спецслужбам их черную бухгалтерию. Информация о доносчике ушла, и находчивого программиста решили разлучить с головой, но тот успел попасть в программу по защите свидетелей. Сменив имя, биографию и место проживания, Краш получил запрет на использование компьютеров, и, чтобы прокормить себя, вынужден был работать продавцом в магазине. Страх постепенно улетучился, а вот потребности, оставшиеся от прошлой жизни, давали о себе знать, и вскоре парень снова начал промышлять сетевыми безобразиями. Если первый случай был скорее спонтанным, на спор, то теперь он действовал чрезвычайно осторожно и методично. Выполняя некоторую грязную информационную игру, он получал карт-бланш на свои мелкие делишки, с чего и жил.

Александр Иванович, по прозвищу Краш, был прописан в Ленинградской области, под Гатчиной, и именно туда и выехал майор. Полуторачасовая неспешная поездка по свежееотремонтированному шоссе, с заездом в кафе для перекуса, показалась Илье настоящим отдыхом, однако по прибытии на место он растерялся. Представший перед ним садовый кооператив был буквально наполнен домиками, и вычленив, в каком из них проживает Иванович, не было никакой возможности. Пришлось по старинке обращаться в местную управу, представившись дальним родственником, решившим навестить племянника, а заодно завести долг.

Хмурый дядька в ватнике, живущий в сторожке на окраине поселка, долго копался в документах, шелестел пожелтевшими страницами, однако нашел упоминание об участке с ИЖС, на котором и проживал некто Сашка, баламут и бузотер. Также мужик поведал, что за забором его владений часто слышна громкая музыка, и окружающие его соседи, устав мириться с подобным звуковым произволом, не раз вызывали полицию и писали заявления. Показав на карте, где конкретно искать «племянника», мужик откланялся, сославшись на дела.

Дом Краша, выгодно отличавшийся от остальных высоким железным забором, находился на окраине кооператива, почти в лесу, и потому жалобы на шум показались Прохорову надуманными. Не такой Иванович человек, чтобы привлекать к себе лишнее внимание. Прошли те деньки, когда можно было отмазаться соткой баксов или влиянием друзей папаша. Не доехав пару десятков метров, Прохоров загнал авто под куст сирени и, преодолев оставшийся путь по гравию пешком, уверенно надавил на кнопку звонка на калитке. Где-то в глубине двора послышалась настойчивая трель, затем еще одна, потом снова, пока на двери не отворилась заслонка и пара красных от недосыпа глаз уставилась не моргая на Илью.

– Ты кто?

Прохоров вытащил служебное удостоверение и продемонстрировал его человеку за дверью.

– Я чист, чего пришел?

– Студент на тебя выходил. Я за Гордона потолковать.

Минутное молчание закончилось возней со щеколдой, и Краш распахнул дверь. Выглядел он именно так, как и на фотографии, мужчина лет тридцати, прямые черные волосы завязаны в хвост, острый подбородок с ямочкой, сублинное телосложение. Толстовка с капюшоном, которую он носил в данный момент, являлась братом-близнецом того облачения, что майор уже не раз видел на видео.

– Проходи.

Майор шагнул внутрь и тут же отскочил, вовремя избежав удара поленом по голове. Краш отпрыгнул, снова попытался атаковать, размахивая сучковатой толстой деревяшкой, однако и вторая попытка не увенчалась успехом.

– Твари, – шипел он. – Рептилоиды. Совсем одурманить меня решили.

Ошалев от такой неожиданности, Прохоров пошел по кругу, решив было наказать наглеца, но кровь из правого уха, стекающая по щеке и шее парня, почему-то его остановила.

– Феникс! – зарычал вдруг Краш и пошел в новую атаку. – Я вам его не отдам! Твари! Твари! Твари!

Бросив вдруг свое орудие, он кинулся сломя голову в дом и, хлопнув дверью, застучал ботинками по полу. Прохоров пожал плечами и двинулся за хакером. Осторожно отворив входную дверь и убедившись, что его не собираются приложить по голове, он прошел по грязным отпечаткам до входа в подвал. Дверь в него была распахнута, и тусклый желтый свет выхватывал из темноты ступени, будто в дешевом фильме ужасов. Именно в таких подвалах, как правило, проживали различные маньяки, используя свое жилище для хранения свежей человечины.

– Иванович, ты обкуренный? Я майор специального отдела! Я могу пристрелить тебя, и мне медаль дадут. Ты понимаешь всю ситуацию?

Снизу раздался жалобный всхлип, приглушенный каким-то жужжанием. Вытащив пистолет, Илья начал спускаться по лестнице. Картина, которую он обнаружил, была странной и жалкой. Прямо посреди помещения, на земле, свернувшись в клубок, лежал легендарный программист. Только теперь майор рассмотрел, насколько грязная и помятая на нем одежда. Толстовка была в прорехах на рукавах, штаны испачканы в земле, а от левого кроссовка почти оторвалась подошва. Кроме земляного пола и рыдающего Краша обнаружился странный аппарат, для описания которого потребовалась бы не только фантазия. Подключенный к удлинителю, он представлял из себя решетчатый блок, с подсоединенным к нему ноутбуком. Экран устройства чертил замысловатые графики, часто срываясь в пик, но большую часть времени вычерчивая правильную волнистую линию. Толстый кабель от решетки подходил к треноге, на которой было закреплено что-то среднее между телевизионной антенной и феном, и это устройство было направлено на рыдающую на земле фигуру.

Поднявшись на первый этаж, Прохоров осмотрелся. Обстановка вокруг была весьма спартанской. Покрытый пылью телевизор, стол, заваленный бумагами и запчастями от компьютера, ноутбук с мерцающим экраном да микроволновка. Чуть в стороне выдавший виды холодильник, шкаф – вот и все убранство жилья бывшего золотого ребенка. Чуть дальше приоткрытая дверь вела в комнату, служившую, видимо, спальней. Простая кровать, матрас без простыни, промятая подушка и гора пустых банок из-под энергетиков, покрывающая пол спальни жестяным пестрым ковром. Единственным украшением жилища был постер на стене с изображением набирающей популярность скандинавской группы. Хмурые брутальные парни с раскрашенными лицами, сжимая в руках гитары, свирепо поглядывали на Прохорова с бумажного плаката.

Единственный стул, который нашелся в первой комнате, майор спустил в подвал и, поставив его рядом с рыдающим Крашем, уселся поудобней. Истерика у парня продолжалась долго. Под конец, когда слезы закончились, он просто всхлипывал, жадно глотая ртом воздух, и вот настал момент, когда можно было начать разговор.

– Я майор Прохоров, специальный отдел. Ты нарушитель и висельник, некто Краш, а в миру гражданин Иванович. Ты каким-то боком связан со смертью Питера Гордона, и тебе бы лучше объясниться. Я не люблю, когда меня хотят огреть по голове дубиной, притом еще и при исполнении. Это новый срок, парень, и тут уже твои приятели из ведомства, что столько лет спасали твою шкуру от желающих поквитаться, тебе не помогут.

Краш последний раз всхлипнул и, сев на пол, взглянул на майора странным, но вполне осмысленным взглядом.

– Ты пришел, – вымолвил он, растягивая слова. – На самом деле пришел. Я не знал, к кому обратиться. Вокруг они, они меня не выпустят, а ты не охваченный. Впрочем, если ты работаешь на них, то я погиб.

– Перестань пороть чушь, – грубо прервал Ивановича майор. – Кто они? Что вообще происходит? Но прежде чем ты начнешь, потрудись объяснить, зачем ты мне скинул наводку на свое дело, а потом напал?

– Я думал, ты не настоящий, – пояснил программист. – Нейрофон. Новое поколение. Они агрессивные, привыкание происходит стремительно. Это экспансия, парень, и мы добровольно подставляем шею под острый топор палача. Правда, в случае с казнью все было бы просто. Попав в сети, мы становимся теми, кем можно управлять, и под этим я подразумеваю реальное управление, будто бы твои руки и ноги привязывают к ниточкам.

– Опять метафоры. Парень, ты нарываешься.

– Я мертвец. Вот, посмотри. Стоит мне выйти за пределы воздействия Феникса, и я снова зомби. Я не отличаю реальность от виртуальности. – Иванович повернулся так, чтобы

Прохоров увидел окровавленное ухо. – Это новый нейрофон, мне его насильственно в ухо засунули. Ударили по голове, а потом я обнаружил у себя этого монстра.

– Почему не снимешь?

– Снимешь? – в голосе Краша появились истерические нотки. – Ты знаешь хоть одного человека, который смог снять устройство?

Осознание пришло в голову Ильи почти сразу, и перед мысленным взором всплыл список из десятка фамилий, которые он ранее видел на столе лейтенанта.

– Знаю, но косвенно. Все они мертвы.

– Именно! – при этом Краш даже подпрыгнул на месте. – Дохнут, дохнут все. Его невозможно извлечь просто так! Я видел видео в дипнете! Парня привязали к столу, подали наркоз и попытались удалить эту тварь. У них получилось, но он стал овощем! Дураком слюнявым! Вот к чему нас все это ведет! Несколько моих друзей именно так и погибли, мы и с Питером сошлись на этой теме. Он великолепный инженер, я неплохой программист. Мы разработали Феникса, так его Питер назвал, именно для того, чтобы понимать этот мир.

– Постой, – нахмурился майор. – Нейрофон вышел на рынок совершенно легально. В соответствующие органы предоставлен открытый код операционной системы, вся оболочка безопасности, схемы, состав, производители. Путь от сборки до прилавка можно отследить без проблем.

– Тогда вдумайся, насколько глубоко уже проникла гниль, если все стало легально!

«Привет, я Питер Гордон, это моя лаборатория, и мы проводим первый эксперимент над гаджетом нового поколения, нейрофоном».

Питер, тогда еще живой, снимал свои эксперименты в подвале дома, в Бостоне, на камеру, после чего выкладывал получившийся результат в глобальную сеть. Надо отдать должное игрокам на той стороне, ни один из роликов не задерживался надолго, однако глубокая сеть впитывала запретные кадры, будто сухая губка воду.

На компьютере Краша было с десятков роликов, где инженер, усомнившись в основном функционале нейрофона, пытался вскрыть его и разобраться в технологии.

– Я заподозрил неладное в тот момент, когда один мой старый приятель наотрез отказался снимать гаджет. Мы даже подрались, – Гордон поправил камеру, и колонки ноутбука взорвались шуршанием. – Я не мог понять, как умный, образованный человек настолько прикипел к этой крошке. Я купил один такой, вставил его себе в ухо, второй же использую на Биле, это белый кролик. – В кадре замаячила клетка с ушастым зверем, беззаботно поедавшим что-то зеленое. – Итак, начинаем эксперимент.

Освещение сменилось, Гордон улыбался на камеру. Он был воодушевлен чем-то, и глаза его горели исследовательским азартом.

– День первый. Я переместился в загородный дом, захватив с собой Била. Он отлично выглядит, регулярно питается и, похоже, не испытывает дискомфорта. Я испробовал нейрофон, и был шокирован той технологией передачи данных, которой обладает эта малютка. Поток информации просто огромный, четкость нереальная. Если отбросить мои инженерные знания и рассуждать как обычный человек, то я до сих пор испытываю сложную гамму чувств, от щенячьего восторга до полнейшего недоумения. Я только подумал о карте, как перед моими глазами всплыл реальный и быстрый маршрут, в обход всех пробок и дорожных работ. Я решил послушать музыку, и внутри моей головы зазвучал удивительный голос великолепного Роя Орбисона. Это только мои ощущения, только мои звуки, только мой путь! Это великолепно, и одно лишь омрачает все это, я решительно не могу понять, как устройство делает подобные фокусы. Я реалист и атеист, но теперь я не знаю, что сказать. Если это и не божественное проявление, то что еще?

– День второй, – Гордон сидел на том же фоне, держа в руках кружку с кофе, иногда потряхивая головой. На секунду он застыл, моргнул и улыбнулся. – Слушал Грига, друзья. Великолепное звучание. Я заказал себе еще одно устройство, мы вскроем его и посмотрим, как оно устроено. К моему позору, я уже скачал принципиальные схемы нейрофона, выложенные производителем в свободный доступ, распечатал их, разложил на столе, и признаюсь, ни черта не понял. Нет, я, конечно, разбираюсь в системотехнике, но то, что начерчено на бумаге, и то что реально происходит в моем черепе, это две большие разницы.

– День третий, – Гордон был все еще бодр и весел, но под глазами инженера начали появляться тени. – Сегодня я померил температуру Била, проверил его кал и мочу. Животное выглядит великолепно, однако, когда я попытался вынуть нейрофон из его уха, у меня ничего не вышло. Странно, но устройство погрузилось в слуховой проход настолько глубоко, что вытащить его самостоятельно попросту не представляется возможным. Сегодня я позвоню моему старому приятелю, Фергюсону, он ветеринар с обширной и продолжительной практикой. Он мне поможет.

– День четвертый, – инженер был хмур и растерян. На его щеках проступила щетина, а тени под глазами стали более заметны. – Четвертый день моей жизни с нейрофоном, привел к странному умозаключению. Я совершенно не хочу его снимать. Для меня это стало противоестественным, крамольным, почти недопустимым, – Питер поднес ко рту кружку с кофе и сделал жадный большой глоток. – Сегодня утром курьер привез мне еще одно устройство, я вскрыл его так аккуратно, как мог. Для этого потребовался алмазный диск. Когда передо мной предстали внутренности этого малыша, я понял, что приведенная схема и реалии несколько расходятся. В оригинальном устройстве нет небольшого контейнера с разводами по краям. В документации к устройству написано, что это технологическая доработка, обеспечивающая повышенную отказоустойчивость, и что она подверглась новой сертификации. Копии документов предлагается посмотреть на сайте. Я их увидел, все чисто.

– День пятый, – на Питера смотреть было больно. Весь дерганый, нервный тик искажает уголки глаз, тени под глазами больше похожи на кляксы. – Это пятый день эксперимента, и мысль о снятии нейрофона не дает мне покоя. Я не могу ни спать, ни есть. Я буквально насильственно впихнул в себя, да, именно впихнул, два сэндвича и запил их чаем, крепким и сладким, чтобы мозг работал быстрее. Когда я попытался снять устройство, то тоже не смог его увидеть. Оно глубоко внутри моей головы. Мне нужна помощь, как медицинская, так и психологическая. Сегодня приедет Фергюсон.

– Извините за небольшую задержку, – на этот раз Гордон был чисто выбрит, свеж, но так же нервозен. Рядом с ним сидел блондин с прямым, почти под линейку носом, густыми бровями, сросшимися на переносице, и тонкими, будто нити, губами. – Я отсутствовал неделю, и обстоятельства были крайне уважительные. У меня был нервный срыв. Мой друг, Фергюсон, попытался извлечь гаджет из моего уха, но вместо этого я напал на него. Слава богу, он боксер и вырубил меня с одного удара. Передаю слово ему.

Блондин на экране хмуро кивнул.

– Я Билл Фергюсон, провел операцию по извлечению из правого уха Питера Гордона устройства под названием нейрофон и могу утверждать, что, помимо психического воздействия, оно активно вступает в физический контакт. Вот снимки, которые удалось получить.

На экране мелькнул снимок чего-то расплывчатого.

– Скажу одно, – Гордон хмуро кивнул. – И это может показаться вам бредом, но в голове у вас нечто такое, что может только присниться в кошмаре. Привыкание зависит от моральной составляющей и того, насколько глубоко проникнет вам в голову эта дрянь.

Прохоров пощелкал по папкам, но больше видеофайлов не нашел.

– Где остальные файлы?

– Нету, – Краш уже пришел в себя и теперь раскачивался из стороны в сторону, на манер маятника, постоянно рискуя упасть. – Это все, что я смог найти.

– Рассказывай.

– Что?

– Все. Твоя версия. Как ты нашел Гордона, что он от тебя хотел. Зачем ты обыскивал его труп и почему ты вообще тут сидишь, такой бешеный?

История Ивановича была захватывающей. Краш бедствовал, и потому он частенько сидел в дипнете, халтуря за лишнюю сотку баксов. Светиться он не хотел, действовал аккуратно. Он был настолько замкнут в своем новом мирке, что выходил за забор исключительно пополнить запасы провизии. Работу в городе Иванович бросил, а кроме как взламывать чужие аккаунты и строчить бесконечные строчки кода он ничего не умел, и потому относился к своему занятию со всем старанием, на которое был способен.

Халтуры у Краша были простые, в основном связанные с ревнивцами, желавшими покопаться в личной переписке своих супругов. Эта категория людей щедро платила за услугу, и двух-трех шабашек в месяц хватало, чтобы не «протянуть ноги» с голоду. Краш был анонимом, полным, абсолютным. За те долгие годы, что он скрывался от бандитов, он научился виртуозно заметать следы в сети либо не оставлять их вовсе. Были у Ивановича и принципы. Он не лез на рожон, отказываясь от корпоративного шпионажа, и пуще смерти боялся «халтур», связанных с правительственными и частными некоммерческими организациями.

Однако время шло, принципы менялись, Краш пересмотрел свои действия в прошлом, стал мягкотел и ударился в альтруизм. Именно на этой почве он и смог повстречаться с Питером Гордоном. Теневой интернет дает много, и многое может отнять. Все, находящиеся там, прячась за маской анонимности, несмотря ни на что продолжают оглядываться. Гордон искал исполнителя, Краш подработку. Инженер не хотел, чтобы продуктом, коему он позже даст гордое название «Феникс», занимался кто-то из его друзей и знакомых. Слежку Питер почувствовал сразу. Несколько человек, работавшие с ним над новым устройством, пропали или попросту отказались от этой идеи в одностороннем порядке.

– Он рассказал мне о нейрофоне, – пояснил Краш.

– И ты не поверил?

– Верно. Фантастика какая-то. Лезет в мозг, смешивает реальность с виртуальностью так, что и вовсе не отличишь. Какой-то электронный вариант наркотика. Но так я думал с самого начала. Я начал бродить по сети, искать информацию и пришел в ужас от того, насколько глобальна проблема. Хотя нет, это нельзя назвать так. Эпидемия, пандемия, экспансия, мор, чума, – вот что приходит с нейрофоном в прямом и переносном смысле. Есть прямые подтверждения того, что у людей менялись моральные принципы, они становились способными сделать то, о чем бы раньше и в бреду не помыслили. Насилие над животными и людьми, пытки самой извращенной формы, вплоть до убийства. Я забил тревогу, но вмешалась третья сила, и мне пригрозили. Мол, если не перестану, то не жить мне. Они даже назвали тот район, откуда я выходил в Интернет, и это напугало меня до чертиков.

С Гордоном, впрочем, я работать не перестал. Мы просто изменили способ связи. Раз в неделю я ездил в город, заходил в интернет-кафе, и мы общались по скайпу. Питер нашел временное средство борьбы с нейрофоном, даже для самых запущенных случаев. Через день ты можешь расстаться с гаджетом, через неделю ты не сможешь от него отказаться по идейным соображениям, а через месяц ты его раб настолько, что только хирургическим способом его и можно удалить. И не это самое страшное, нейрофон вроде паразита, он способен работать на полную катушку только при вживлении в мозг, и если извлечь его оттуда, то у пациента всего два пути: на кладбище и в дурку. Гордон нашел единственное слабое место гаджета.

Нейрофон является центром визуальных команд, телефоном, выходом в глобальную сеть, в нем скрыты миллионы возможностей, но есть у него одна история. Он является приемо-передатчиком. Стоит заглушить его – и человек приходит в себя. Я разговаривал с одним таким по скайпу, он живет в Денвере, в своем загородном доме, и шагу не может ступить за круг, очерченный Фениксом. Он просто взял и убил человека, вот так, играя в какую-то компьютерную стрелялку. Навел на него виртуальный ствол, спустил курок, после чего его арестовала полиция. Он богатый человек, его адвокаты вытащили парня, а когда он понял, что пистолет и труп на асфальте были настоящие, а не плод компьютерной фантазии, он почти сошел с ума.

Суть Феникса проста и сложна одновременно. Это программно-аппаратный комплекс, отслеживающий прием и передачу сигнала в конкретном секторе и глушащий либо подменяющий код. Нейрофон постоянно меняет коды, их у него огромное количество, скачет по волнам, забираясь на самые невероятные частоты, и Феникс за ним порой не успевает. Я как раз работал над новым программным обеспечением, улучшающим скорость отклика комплекса, как в Россию прибыл Гордон. Он чем-то был очень взволнован, говорил о каком-то мусоре, ну, по крайней мере он так это преподносил. Сказал, что все мы скоро погибнем, а еще передал мне вот это.

Краш залез в карман куртки и протянул Прохорову мобильник.

– Он тебе телефончик подарил?

– Да нет, посмотри на экране, там единственная приложуха.

– Ну? – майор с сомнением разблокировал устройство и уставился на ярлычок. – И что с ней делать?

– Запусти, а потом наведи на меня. Ты увидишь кое-что очень интересное.

– Хорошо. – Майор нажал пальцем на ярлычок, однако ничего такого не произошло. Запустился фотоаппарат, камера заработала, отобразив грязь под ногами и облупленные стены подвала. Однако когда Илья навел камеру на сидевшего на земле Ивановича, то не поверил своим глазам. Красная тускловатая точка явственно просматривалась на его лице. Иногда она была спокойна, но стоило подождать, как вдруг начинала пульсировать, конвульсивно биться, увеличивая либо уменьшая яркость, а затем, успокоившись, снова замирала на неопределенный срок.

– Это приложение видит нейрофон, а точнее, всегда может тебе показать, кто именно носит устройство, – тихо произнес Краш.

– Откуда оно? Кто его сделал?

– Не знаю, – программист пожал плечами. – Гордону оно пришло по почте, едва он выложил в сеть первый ролик. Ни пояснительной записки, ничего. Я попытался отследить отправителя, но у меня тоже ничего не вышло.

– То есть, ты хочешь сказать, что есть еще кто-то, кто знает о проблеме?

– Да. Это крутые ребята, их так просто не взять. Я вскрыл код приложения, попытался его воспроизвести, но все, что оно делает на моем смартфоне, так это включает камеру. Код оказался мне не по зубам.

Дверной звонок взорвался трелью, и Краш, вздрогнув от неожиданности, с мольбой посмотрел на майора.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет! Конечно нет! Я похож на человека, решившего вдруг пригласить гостей!? – нотки истерики в голосе Ивановича слышались теперь самым отчетливым образом.

– Позвонят и уйдут, – предположил Илья. – Может, двором ошиблись.

Однако незнакомец за забором продолжал настаивать, и вскоре калитка Краша сотрясалась от мощных ударов.

Прохоров встал, вновь достал пистолет, снял его с предохранителя и, дослав патрон, принялся подниматься по лестнице, бросив Крашу на ходу:

– Ты тут сиди, я разберусь. Вывезем тебя, и Феникс этот вывезем. У нас контора серьезная, не веники вяжем.

Удары в дверь не прекратились, и, когда Прохоров подошел, она еле держалась на петлях.

– Кто там такой отважный? Дверь денег стоит, – решил майор зайти издалека.

– Ивановича ищем, – поделились из-за ограды. – Ты, что ли, Иванович?

– Нет, не я. Но если бы тут был мой хороший приятель, Александр, он тоже расстроился бы из-за порчи имущества.

– Иванович нам нужен, – не обращая внимания на тираду Ильи, продолжил незнакомец. – Крашем его зовут.

– А зачем он вам?

– Дело есть.

– А если он вас пошлет лесом?

– Я бы не советовал.

Илья подошел к щели в заборе и аккуратно, чтобы его не увидели, выглянул наружу. Увиденное ему совершенно не понравилось. Метрах в двухстах от дома стоял «Патриот», за рулем которого сидел человек в камуфляже. Лицо его закрывали большие солнечные очки. Рядом с ним сидел еще один, в бандане, а на заднем сиденье тоже маячила пара пятнистых голов.

Напротив самой калитки стояло еще четверо, крепкие, подтянутые, широкоплечие, с обветренными лицами, но не это главное. Все они были вооружены. По пистолету на поясе, и автоматы в руках, кое-где замотанные изолентой, со сдвоенными рожками. Один из парней стоял, прислонившись к забору и подбрасывая на руке гранату, будто бы это был апельсин. Высокие, начищенные до блеска берцы незнакомцев были чисты, что говорило о том, что рядом имеется еще один транспорт.

– Парни, вы нарывааетесь. Я майор специального отдела. Я только свистну, и ваше ОПГ накроют медным тазом.

– Знаем мы этих крикунов, – поделился все тот же голос.

Кто конкретно разговаривал и был старшим, было не понятно, и это нужно было выяснить. Вид у парней был не особо дисциплинированный, хоть и профессиональный. Походили они на наемников среднего пошиба. Вступать с ними в огневой контакт не хотелось, задавили бы массой, да и по огневой мощи они имели явное превосходство.

– А я тебе ксиву покажу, ты и поверишь, – Прохоров открыл заслонку и представил пред светлы очи главаря служебное удостоверение. Тот смотрел на документ, а Прохорову представилась уникальная возможность внимательно осмотреть все, что творится за забором, и при этом не получить пулю.

Вынес он из этого следующее. Убивать его не хотели, как, впрочем, и Краша. Взять эту халупу штурмом и наспиговать жильцов свинцовой начинкой дело не хитрое, но медлили бойцы по какой-то другой причине.

– Ну, ксива, – мужик лениво осмотрел предъявленный документ. – Так и что с того? Был бы ты в силе, так давно бы всех мордой в пол положил. Один ты тут, парень, так что сам не нарывайся. Краша сдай, он гнилой. Денег должен много и многим, и эти парни очень волнуются за свои финансы.

– Ну, ладно, – Прохоров убрал удостоверение в карман.

Поняв, что бойцы не собираются уходить и уж тем более совершенно не опасаются его статуса, майор решил с ними немного поиграть, потянуть время. В кармане у него был телефон. Стоило позвонить в контору – и этой компании наступит быстрый и не мучительный

конец, однако сделать это следовало так, чтобы не вызвать лишние подозрения и самому не отдать концы от свинцовой передозировки.

– Я его сейчас поищу.

– Ты дверь открой, мы сами поищем. Мы парни любознательные.

Дружный хохот подельников загрохотал за высоким забором, однако ничего такого, из-за чего можно было открывать огонь на поражение, еще не произошло.

– Сейчас.

Наблюдая, как ворота начинают шататься под напором наглецов, Прохоров бросился внутрь дачного домика и поспешно захлопнул дверь. Телефон конторы, бывший на быстром вызове, долго не отвечал, а петли на калитке уже начинали выходить из своих пазов.

– Слушаю, – долгожданный голос в динамике телефона показался тогда майору слаще ангельского пения. Он поспешил представиться, назвал свой табельный и, как мог, кратко и ясно сообщил о ситуации и своем местоположении.

– Оперативных групп в вашем районе нет, – печально пояснил оператор. – Ориентировочное время прибытия отряда составит пятнадцать минут. Продержитесь?

– Да куда я денусь, – Прохоров нахмурился.

Дело было действительно дрянь. Это только в кино один боец мог выстоять против десятка хорошо вооруженных и тренированных противников, с помощью монтажа и спецэффектов, ловко уворачиваясь от пуль, передвигаясь, будто ветер, и стреляя на ходу так метко, будто это упражнение в тире. На поверку все выходило гораздо печальней, и потому до поддержки кавалерии Прохоров решил забаррикадироваться. Собрав всю имеющуюся в доме мебель, он стащил ее к двери, наблюдая, как дверной засов на калитке все-таки вылетает и падает в траву, а на участок неспешно входят бойцы. Последний предмет мебели встал ровно тогда, когда первые пули, с легкостью пробив тонкую деревянную стену, врезались чуть повыше головы майора.

Прохоров упал на пол, сморщился, быстро пополз ко входу в подвал, где хотел отсидеться до прибытия своих, и только он поставил ногу на первую ступеньку, как тут же почувствовал неладное. Внизу было тихо, слышалось только монотонное жужжание механизмов Феникса, а в остальном полная тишина. Предчувствуя беду, майор быстро спустился вниз и, остановившись, тяжело вздохнул.

– Идиот.

Краш лежал на полу, свернувшись в клубок, будто кошка. Глаза его были закрыты, длинные красные полосы на руках расходились в бордовые, почти черные лужи крови, быстро впитывающиеся в земляной пол. Хакер вскрыл себе вены. В правом кулаке покойника была зажата записка.

Вверху снова загрохотало, кто-то пытался высадить дверь, однако мебель, наваленная импровизированной баррикадой, временно справлялась с нагрузкой. Послышался грохот разбиваемого стекла, кто-то из хулиганов в «пятнистом», не стесняясь, выбивал раму. Этого майор допустить не мог. Быстро пробравшись на верхнюю ступеньку, он приоткрыл дверь из подвала и, прицелившись, нажал на спусковой крючок. Бандит в окне застыл и вдруг, потеряв малейший интерес к жизни, повис на впившихся в грудь осколках. Победа была временной, и стратегическое отступление, последовавшее за новой свинцовой волной, заставило Прохорова вновь укрыться в подвале.

Над головой загрохотало, послышались новые выстрелы, на этот раз в пол, но то ли между подземельем и жилыми помещениями было бетонное перекрытие, то ли снаряга у народа была никудышная, но пули в подвал не пробились. Прохоров матюгнулся, вытащил запасной магазин, пересчитал патроны, прикинул в уме, сколько боеприпаса осталось, и от тоски взвыл, понимая, что надолго его не хватит. В двери подвала появилась пара аккуратных дырок, и майору пришлось отступить еще глубже. Засев за деревянным ящиком, он положил

пистолет сверху, опустился на землю и, прикидывая в уме расчетное время подхода группы, печально вздохнул.

– Эй, парень, – крики, топот и прочая чехарда, творившаяся наверху, вдруг затихла. – Ты нас серьезно разозлил! Зачем двухсотых плодить, хотели же по-мирному!

– Хотели бы по-мирному, не стали бы шпиговать дом свинцом, – парировал Прохоров, кладя руку на пистолет. – Я сказал, что дел у меня с вами не будет, так зачем настаивать?

Сверху снова задвигались, на голову посыпалась грязь, и новый яростный напор автоматной очереди начал крошить дверь подвала. Майор грустно прищурился, повернулся к лежавшему ничком Крашу и покачал головой.

– Ну, ты, парень, вляпался, и меня с собой вляпал. Это же надо было кому-то так насолить.

– Эй, майор? Ты все еще живой?

– Вроде да, – Прохоров навел на просвет в досках свой пистолет и приготовился спустить курок в тот момент, когда в образовавшейся прорехе мелькнет силуэт, однако, парни наверху не спешили на тот свет и пока не собирались светиться.

– У меня для тебя подарок, осколочная граната. Я сейчас ее к тебе вниз брошу, и будешь ты на полу кровью истекать. Но это поначалу. Потом я и мои люди спустимся вниз, заштопаем твои дырки, отвезем на базу и отдадим спецу, умельцу одному, что учит строптивых и таких, как ты, упертых. Он с тобой разговаривать будет долго, вдумчиво. У него для этого и опыт, и снаряжение, и образование профильное.

– Вот удивил, – с замиранием сердца Прохоров ждал, когда бандиты наверху потеряют бдительность и сунутся. Уходить на тот свет он решил, только захватив с собой еще парочку негодяев. – Если бы мне за каждое обещание лютой расправы по сотке накидывали, то жил бы я сейчас в Сочи, спал до обеда, чебурек бы кушал в шезлонге.

– Но ты сейчас внизу...

– ...десять, девять, – Прохоров начал обратный отсчет.

– Что ты там бормочешь, майор? Совсем умом тронулся?

– ...восемь, семь...

Кавалерия пришла раньше на несколько секунд, что, вероятно, и спасло Илью от осколочно-разрывного подарка. Рев вертолетных винтов заполнил собой все свободное пространство, грозный зверь с подвесом, достаточным для уничтожения целого батальона, завис над домом, и волна раскаленной ненависти выплеснулась из пулеметов, покрывая землю. Трое солдат противника тут же вышли из игры, а остальные, вполне резво рассредоточившись, кто за сараем, кто за замшелым валуном, попытались дать ответный бой. Первая дымовая граната, очертив полукруг, мягко приземлилась во дворе, заслоня густой пеленой солнце, короткие всполохи, тихо, почти по-домашнему, принялись выкашивать траву, и, мягко ступая на своей каучуковой подошве, прикрываясь естественными неровностями местности, на штурм пошел спецназ. Противогазы на их лицах посверкивали стеклами, черные бронежилеты, шлемы и автоматы, короткие, почти у груди, как марш смерти в искусственной дымке. Автоматы мерно плевались пулями, выдергивая из жизни нападавших, одного за другим. Ответный огонь попытался положить спецуру лицом в траву, но вертушка, выйдя на новый вираж, заставила камни плавиться. Бой был неравный с самого начала и кончился быстро.

Феникс закрыли в ящики, заколотили, опечатали и начали грузить на Урал. Илья стоял, прислонившись к борту и вертя в пальцах телефон, наблюдал, как бойцы тащат тяжелые ящики от дома до открытого дощатого борта машины, сгибаясь под тяжестью агрегата. Чтобы автомобиль смог въехать на территорию, парни снесли остатки забора. Вертушка уже ушла на базу, однако, осталось оцепление из местной полиции, лениво вышагивающих

по мягкой траве в отдалении, да заодно с променадом отпугивая редких зевак-дачников, со страхом и интересом глазающих на недавнее поле брани.

Рядом стоял командир спецгруппы, человек Прохорову не знакомый, сняв противогаз и держа его вместе со «Сферой», под мышкой, он курил, лениво стряхивая пепел от тонкой белой сигареты на землю. В карету «скорой помощи» грузили черный мешок с застежкой. Двое здоровенных парней в белом вынесли тело Краша вслед за ящиками и, не церемонясь, будто мешок картошки, забросили внутрь микроавтобуса. Нападавших пока грузить не спешили, оставили на потом.

– Быстро вы, – поделился Прохоров, доставая сложенную вчетверо записку покойника из кармана пиджака. – Я уж думал, накроют.

– Обещали поддержку, так вот вам поддержка, – пожал плечами командир. – Мы тут все описали, приказ от руководства об изъятии и транспортировке в хранилище имеется. Агрегат доставим в лучшем виде, жмура тоже транспортируем. Если нужны будут фотографии или отчеты, запросите поутру в конторе.

– Как у вас все складно, – Прохоров с сомнением покачал головой. – Из гущи боя и за канцелярские забавы, разгрузки не снимая.

– Порядок в делах есть порядок в конторе, – ответил командир.

– Слушай, командир, – Прохоров окинул бойца взглядом. – Что-то я тебя не помню, да и вертолеты у нас отродясь не водились. Откуда ты взялся вообще?

Боец докурил, бросил окурочок на землю и, раздавив его каблуком берца, подмигнул Илье.

– Шефская помощь. Ваши бы не успели, а у нас тут база недалече. Вот и помогаем. Мы агрегат возьмем, нам не сложно, однако там баракла навалом. Вещдоки, как-никак, так что ты эту ерунду сам таскай. Ну, бывай, майор, может, свидимся.

Машина из конторы пришла только вечером. За это время парни из «скорой помощи» успели вернуться, погрузить трупы, а бойцы шефской помощи собрать оставшийся боеприпас, да так ловко, что и стреляной гильзы не осталось. Зельдин, приехавший на служебной Волге с уважением посмотрел на разгром, однако ничего не сказал и начал помогать майору грузить вещественные доказательства в пустой багажник. Все записи покойного Краша, его персоналка, телефон, не тот интересный, с чудной программой, что сейчас лежал в кармане брюк Прохорова, а стандартный, для обычных нужд, и прочая электронная утварь отправилась туда же. Заканчивая все это, погрузили пять картонных коробок с записями от руки, частью на английском, вероятно, принадлежавших Гордону. Илья и лейтенант на всякий случай прочесали строение и участок в поисках тайников и, ничего не найдя, выехали в город на разных машинах. Впереди неспешно катил Прохоров, а позади него, лениво посверкивая проблесковым маячком, ехал Зельдин, посвистывая в приоткрытое окно, с болью во взгляде поглядывая на часы на приборной панели.

Машина шла ровно, хорошо, асфальт, только что положенный, вел автомобиль тихо, и ничего не предвещало беды, однако в какой-то миг Илья услышал неприятный уху автолюбителя хлопок, и лопнувшая резина захлопала по дороге. Сбросив скорость, Прохоров, подкатил к обочине и, выйдя из салона, покачал головой. Правое заднее колесо пострадало так, что уже не реанимируешь. Резина, пробитая чем-то острым, вывернулась в причудливый бублик, обнажив тонкую металлическую решетку корда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.